

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 52 (2315).

Суббота, 28 декабря 1946 г.

Цена 45 коп.

К НОВЫМ ПОБЕДАМ!

Подходит к концу 1946 год, первый год после победного завершения Великой Отечественной войны...

Уже подводятся итоги первого мирного года. С честью и гордостью многие коллективы предприятий и колхозов...

И каждый, кто причастен к труду и подвигу народа, кто охватывает сознанием весь объем и масштаб развернувшейся стройки...

«Где вы найдете такой народ и такую страну, как у нас? Где вы найдете такие великие качества людей, какие проявил наш советский народ в Великой Отечественной войне...»

Каждый день поднимает наш народ все выше и выше. Праздники советского общества — рабочих и колхозников, ученых и писателей — отмечены историческим превосходством передового социалистического строя...

В годы Великой Отечественной войны Советский Союз являлся всему миру пример решительной борьбы с фашизмом и прогрессивной, отставившей дело мира во всем мире. После победоносного завершения войны наше социалистическое государство продолжает быть глашатаями идей борьбы за подлинную демократию и прогресс...

Сейчас широко развернулась подготовка к выборам в Верховные Советы всех Советских республик. Эти важнейшие события в государственной жизни страны с новой силой вскрывают невиданные свойства и качества социалистической демократии — самой свободной и последовательной демократии, которую когда-либо знали народы.

Прошедший год был также годом высокого идейного подъема в жизни страны, науки, литературы, искусства. Партия Ленина — Сталина хочет, чтобы у нас было поближе духовной культуры, ибо в этом богатстве культуры одна из главных задач социализма.

Владимир Ильич Ленин, выдвигая принцип партийности литературы, открыто связанной с народом, писал:

«Это будет свободная литература, потому что не корысть и не карьера, а идея социализма и сознание трудящегося народа вербуют новые и новые силы в ее ряды. Это будет свободная литература, потому что она будет служить не пресыщенной горнице, не оскучающим и страдающим от ожирения «сверхнам десяти тысячам», а миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущее. Это будет свободная литература, охватывающая последние слово революционной мысли человечества опытом и живой работой социалистического пролетариата, создающая постоянное взаимодействие между опытом прошлого (научный социализм, завершивший развитие социализма от его примитивных, утопических форм) и опытом настоящего (настоящая борьба и творческая работа)».

Именно такова наша многонациональная советская литература. И потому-то она по праву является передовой литературой мира. Она порождена новыми советскими социалистическим обществом, пронизана светом великих идей Ленина — Сталина, олодотворена по достоинству научным, глубоко революционным мировоззрением, движущим человечество вперед. Она несет в себе живой опыт строительства нового мира, душевное богатство и красоту творцов этого мира. Она помнит и бережно хранит свое родство с лучшими традициями революционных демократов XIX века. В прошедшем году мы торжественно чтим память Великого, Непрерывного, Ивана Франко, Короленко, мы отмечаем десятилетие со дня смерти А. М. Горького и Николая Островского. В этих глубоких связях с традициями предшественников и зачатей нашей литературы вытекает и направление ее развития, предметность ее великих задач.

Перед советскими писателями стоит задача активного литературного вторжения во все стороны советского бытия, задача изображения выхожих качеств советских людей, возмущающих советского человека над людьми старого мира.

В ходе нашей борьбы, в процессе социалистического строительства выработаны новые черты, воспитаны партийные новые качества, составляющие самую большую духовную ценность нового человека. Это прежде всего его преданность великим идеям партии Ленина — Сталина, пламенная любовь к своему народу и беззаветное служение интересам государства, чувство долга перед советской Родиной. Ясность цели, высокая идеальность, твердость характера, умение преодолевать любые трудности, глубокая вера во всеобъемлющий труд, новое социалистическое отношение к труду и к общественной собственности, славный животворящий советский патриотизм, верность сталинской дружбе народов — вот что определяет духовный облик советского человека.

Все эти благородные черты наших людей говорят о великой нравственной силе советского народа, об огромном превосходстве, которое ставит любого труженика советской страны выше любого «философа» или политика буржуазного общества.

Задача советского государства «как раз в том и состоит, чтобы беспрепятственно и все выше поднимать духовное развитие, культуру всего советского общества, добиваясь все большего превосходства советских людей в культурном, духовном и моральном отношении. Задача нашей партии в том и состоит, чтобы так широко распространить современные знания, современную культуру в народе, так широко привить их всему советскому народу, чтобы уровень его самых передовых людей, до уровня его авангарда» (Т. Александров «О советской демократии»).

В горнице борьбы за коммунистические идеалы выковываются мощные характеры, закаляется сталь человеческой души. В том и состоит премудро всего новаторство советской литературы, что она несет миру образы этих людей.

Партия, народ наш высоко ценят литературу, ее огромную воспитательную роль. Высокооценено художественное произведение приравнивается у нас к выигранному сражению или к победе на хозяйственном фронте.

Большим уроком для всех нас явились постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», о репертуаре драматических театров, о кинофильме «Большая жизнь» и доклад тов. А. А. Жданова. Советские писатели ясно видят перед собой дорогу большого подъема нашей литературы. Вместе с признанными мастерами выступают новые молодые силы, пришедшие в литературу. Они уже заявили о себе серьезными, общими произведениями. Союз советских писателей должен стать той организующей, идейно-творческой силой, которая поможет писателям выполнить свой долг перед народом. Читатели ждут, что в новом году наши литературные журналы действительно перестроятся и станут пропагандистами живой и свежей мысли, откровенно слова художественных произведений. Читатели ждут, что критика скажет свое продуманное, верное слово о советской литературе, о ее крупных явлениях и талантливых мастерах, о ее новаторстве и традициях.

Советский народ хочет видеть свою литературу на передовой линии идеологического фронта, выполняющей свою великую историческую миссию и роль в укреплении морально-политического единства народа, в воспитании нашей молодежи в духе бодрости и революционности.

Большие ожидания и требования партии и народа возлагают огромную ответственность на литературу. Сознывая эту ответственность, сознавая свою историческую миссию, советские писатели вступают в новый 1947 год, второй год новой сталинской пятилетки, знаменательный год тридцатипятилетия Советского государства, вдохновенные разумом, волей, новыми мудрыми указаниями великой партии Ленина — Сталина.

Под мудрым руководством своих великих предшественников. Советский человек воспекает: я хозяин своей страны! Если люди сами решают свою судьбу, живут дружной, многонациональной семьей, без угнетения и эксплуатации, и сейчас подводят итоги своей работы за год, как же этому не радоваться, как не пожелать им счастья! Свое счастье советский народ завоевал

Желаю счастья советским друзьям!

По китайскому обычаю в Новый год люди при встрече приветствуют друг друга словами: «Желаю счастья». Находясь в Москве, я обращаюсь к моим советским друзьям и говорю: желаю счастья. Советские люди встречают Новый год с чувством законной гордости. Всего несколько дней я в Москве, и я уже ощущаю атмосферу творческого, радостного труда на каждом шагу. Советский народ, одержавший блестящую победу над фашистскими захватчиками, успешно трудится для выполнения нового пятилетнего плана. Уже первый год пятилетки дал замечательные результаты. Советский человек восклицает: я хозяин своей страны! Если люди сами решают свою судьбу, живут дружной, многонациональной семьей, без угнетения и эксплуатации, и сейчас подводят итоги своей работы за год, как же этому не радоваться, как не пожелать им счастья! Свое счастье советский народ завоевал

Мою Дунь. Москва, 27 декабря 1946 года.

СОРОК СЕДЬМОЙ

С Новым годом, с новым счастьем! Что ж несет нам новый год? Повторя поздравления, Отдадим себе отчет.

Наш советский Новый год — Великий шаг вперед! Нашей новой пятилетки Убыстренный полный ход.

Наш советский Новый год — Это выросший завод, вновь возмужавшая плотина Над днепровской ширью вод.

Нет таких, кто б с безучастьем Слушал стройки добрый гул... С Новым годом, с новым счастьем Все, что с ней вперед шагнул!

Наш советский Новый год — Новый выведенный свод, Жизнь пустыни орошенной, Ширь осушенных болот.

Наш советский Новый год — Новый выращенный плод, В медь и в уголь превращенный, В соль и в сахар — труд и пот!

Снег сверкает на лопатах, Бродит в бочках бодрый хмель... С Новым годом на Карпатах! С новым счастьем тех земель!

И туман стеной седою Не закроет взор живой! Над Курльскою грядой Наш отряд сторожевой.

По краям по всем советским, За озера и моря, По лесам и перелескам По цветистым занавескам, По артелям всем ловецким, — Все трудом сторожевым, —

Он идет страной обширной, Снежной, яркою зимой, Светит он звездой мирной — Новый год сорок седьмой.

Привет коммунистов и писателей Франции

Советские писатели, мои товарищи! Сердечно поздравляю с Новым годом. Французский писатель-коммунист передает вам привет своей родины, привет коммунистов и писателей Франции.

Мы в самом разгаре борьбы за народную литературу против «черной литературы». Оружие у нас достаточно.

Вой периода Сопротивления и антифашистского подполья оставили у нас глубокие следы. В этих суровых боях родилась наша новая литература, полная жизненных сил.

Мы заняты работой, за которой мы следим внимательно и с сочувствием. Из достигнутых нами успехов мы делаем выводы, важные для нас самих. Уверен, что предстоящий год обогатит вашу литературу новыми значительными произведениями.

Жан-Ришар БЛОК. Париж.

За наше славянское единство!

Поздравляю советских писателей с наступающим 1947 годом. Я не сомневаюсь, что в этом году братские отношения между Болгарией и Советским Союзом будут углубляться и расширяться, что еще более окрепнут культурные связи между болгарским и советским народами, и высокооценена советская культура станет еще более доступной для болгарского читателя.

Русской литературе принадлежит почетное место в борьбе за справедливость, за дружественные отношения между народами и за человеческое счастье, и мы, болгарские писатели, особенно счастливы, что являемся учениками этой литературы.

Мы заявляем, что плечом к плечу со своими советскими коллегами будем вести до конца беспощадную борьбу со всеми разновидностями фашизма — злейшего врага культуры, со всеми реакционными силами, тормозящими человеческий прогресс. Мы, граждане маленькой страны, чувствуем себя сильными в великом семействе славянских народов в дружбе с неопределимым русским народом.

В первую минуту Нового года мы поднимаем тост за нерушимую дружбу между народами Советского Союза и Болгарии, за наше славянское единство, за единство всех свободных народов, за мудрого защитника культуры и человечности — Генералиссимуса Сталина!

Людия СТАЯНОВ, председатель Союза болгарских писателей.

Яков БЕЛИНСКИЙ

Тост Нам памятен грозные дали, Бывало, товарищ, всласто, Мы тост фронтовой поднимали, Рынок поднимаем в атаку,

Мы тост поднимали в походах — Клятвою, над штыками, Флагами — на высотах, Взятых навеки нами...

Пусть весть прогрессит о пире. Да будет наш пир огромен. Поставим на скатерть Сибири Дымные чаши домен.

Поднимем наш тост листьями Брони и стволыми дома, Поднимем наш тост пластами Сулинка и черномыса, Поднимем наш тост мостами, Сколоченными из грома...

От Вахша струи многоводной До северных перелесков Грохочет наш тост новогонный Во славу отчизны советской.

Фотомонтаж Е. ФУРМАНА.

КУРАНТЫ

Василь ВИТКА Бьют куранты двенадцать, и город мой зимний Чутко лопот торжественный глас Кремля. Подымаясь в могучем и радостном гимне, Молодеет свободная наша земля.

Где б ты ни был, запомни, что этой порою Не часов проверяем размеренный ход, — Сокровенные думы Сверяем с Москвою, С сердцем Сталина Сердце сверяет народ.

Навстречу выборам в Верховные Советы Союзных и Автономных Республик

С каждым днем ширится подготовка к выборам

В окружной комиссии Герценовского избирательного округа столицы

Беседа с председателем комиссии А. Жаровым

Окружную избирательную комиссию Герценовского избирательного округа г. Москвы возглавляет поэт Александр Жаров. Общественное собрание писателей столицы дружно поддержало кандидатуру А. Жарова, А. Софронов, В. Инбер, С. Маршак, С. Михалков, А. Исабах и другие характеризовали поэта, как преданного члена большевистской партии, неутомимого общественного деятеля, нева советского комсомола.

Каждый член окружной избирательной комиссии прикреплен к группе участков. Он проверяет оборудование помещений и все виды связи.

Теперь наступил важнейший этап предвыборной работы — тщательная проверка списков избирателей. Этому делу мы уделяем огромное внимание. Наша цель — точно установить правильность списков и сверить все данные с избирателями. Более трех тысяч агитаторов нашего округа трезвятся трудными советским избирательным законом, точное соблюдение которого мы обязаны осуществлять.

Избиратели Герценовского округа встречают Новый год повышенным производственным и политической активности. Краснопресненский район, в котором мы входим, досрочно — к 10 декабря — закончил выполнение плана первого года послевоенной сталинской пятилетки. Среди стохановцев предприятий нашего округа — сотни людей, которые за год выполнили свои двухгодичные и даже трехгодичные нормы.

Люди науки и искусства придут к выборам в Верховный Совет РСФСР с новыми достижениями. Театр драмы обещает показать в дни предвыборной кампании премьеру «Молодая гвардия». Новая кантата композитора В. Шебалина «Москва», посвященная 800-летию столицы, исполняется в больших аудиториях перед избирателями. Писатели, поэты, музыканты, артисты выступят в эти дни со своими новыми произведениями.

Все возрастающий трудовой и творческий подъем свидетельствует о стремлении трудящихся нашего округа встретить день выборов в Верховный Совет РСФСР, как подлинный праздник социалистической демократии.

ВЫСТАВКИ ЛИТЕРАТУРЫ

В Российской Федерации насчитывается почти 35 тысяч изд-в, около 2300 районных клубов культуры, около 7 тысяч сельских клубов, 11,170 массовых библиотек, 360 музеев. Все эти очаги культуры развернули сейчас большую агитационно-пропагандистскую работу по подготовке к выборам в Верховный Совет РСФСР.

Во всех библиотеках оборудуются выставки литературы, посвященной выборам в Верховный Совет РСФСР и пятилеткему плану восстановления и развития народного хозяйства.

Государственная публичная библиотека СССР имени Ленина подготовила рекомендательный список литературы и направила его в областные и районные библиотеки. В помощь культурно-просветительным учреждениям выпускается 4 тысячи экземпляров передвижной художественной выставки — «Сталинский пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946—1950 гг.»

В честь выборов журналов. План первого квартала нового года коллектив обязался выполнить на 105%, производительность труда повысил на 10 проц.

30 рабочих и служащих типографии вошли в агитколлектив, который ведет активную работу с избирателями.

Ленинград

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.) Десять ленинградских писателей выдвинуты кандидатами в состав окружных избирательных комиссий. В участковые комиссии Николаевского избирательного округа рекомендованы А. Вещева, В. Кетлинская, М. Подзельский, Н. Вагнер, Е. Воронина, М. Лежнев, М. Исаев.

В состав участковых комиссий Дзержинского избирательного округа выдвинуты П. Далецкий, А. Валеский, А. Александров.

Работники массовых профсоюзных библиотек Ленинграда организовали для агитаторов города и предприятий 400 передвижных библиотек, насчитывающих около 30 тысяч книг. Помимо художественных произведений, библиотеки располагают разнообразной избирательной литературой.

Литва

ВИЛЬНЮС. (От наш. корр.) В республике широко развернулось выдвижение кандидатов в окружные и участковые избирательные комиссии. Председателем республиканской избирательной комиссии избран П. Далецкий, А. Валеский, А. Александров.

Недавно ССР Литвы устроил большой вечер, на котором писатели А. Венюкис, П. Шварка, И. Пауштялис и А. Жавока, недавно возвратившиеся из поездки по Армении, Азербайджану, Грузии и Абхазии, рассказали о жизни республик советского Закавказья. С чтением своих переводов армянской, грузинской и азербайджанской поэмы выступили Антанас Венюкис, Т. Гильвичис, А. Хургиян, В. Сириус-Гира.

Татария

КАЗАНЬ. (От наш. корр.) Писатели Татарии активно включились в избирательную кампанию по выборам в Верховные Советы РСФСР и ТАССР. Правление Союза советских писателей ТАССР и бюро партийной организации создали три писательские агитбригады по обслуживанию избирателей, возглавляемые М. Садыром, М. Нагмановым и С. Хакимом. Бригады выступают в агитпунктах на фабриках и заводах. Несколько раз выступили писатели по радио. В окружные избирательные комиссии по выборам в Верховный Совет Татарской АССР выдвинуты Г. Разин, К. Наджим, Г. Кашшаф.

Татосоздат выпускает специальный литературно-художественный сборник, посвященный выборам в Верховные Советы РСФСР и ТАССР. В сборнике принимают участие А. Ерикеев, А. Файзи, Р. Ишмура, Т. Гиззат и др. Недавно вышел в свет сборник татарских писателей «Голос великих годов». В него включены рассказы, стихи и песни о Родине, о великом Сталине, о Конституции.

Недавно депутат Верховного Совета СССР поэт Ахмед Ерикеев встретился с избирателями Бауманского района Казани. Тепло встреченный избирателями А. Ерикеев рассказал о советской избирательной системе и поделился впечатлениями о своей поездке в Австрию и Чехословакию. В заключение поэт прочитал стихи о великом Сталине.

«Поэзия есть жизнь, действие, страсть». Это слова Чернышевского.

Это и наше убеждение, это выражение и нашей веры в силу подлинного поэтического слова, отдающего себя делу преобразования мира. И мы могли бы повторить вслед за Чернышевским, что «справки искать в лирической поэзии пафоса, пламенного одушевления, задуманного слова, глубокой скорби или страстной жизни».

На протяжении всей, почти тридцатилетней истории нашей литературы всегда было так, что право на существование обретала только та поэзия, которая утверждала жизнь, звала к революционному действию, жила всеми страстями своего времени. Поэзия умирания, бездельности и равнодушия никогда не могла утвердиться у нас в своих незаконных правах.

Имя Маяковского само просится в свидетели того, что это правда. Но перед нами — более близкий, очень яркий «коллективный пример». Это поэзия Отечественной войны. Она была самой жизнью, самим действием, самой страстью. Только такой и может быть наша советская поэзия. Она отвергает декаданс, потому что она сторонится «возрождения жизни», потому что вместе с жизнью она хочет быть устремленной в будущее.

В поэзии 1946 года военная тема играла особую, своеобразную роль: она служила как бы мостом для перехода к изображению современного этапа развития нашего советского общества. Это естественно — война отошла уже в прошлое, но еще не стала историей, в ней — истоки миллионов нынешних человеческих судеб... И поэзия уходящего года рассказывала не столько о войне или послевоенном времени, сколько о «вечных временах», о глубокой исторической и психологической преемственности этих двух эпох.

Вот это и было в ней главным. Так совершая свои первые шаги к поэтическому постижению и изображению нового. В этом и только в этом смысле продолжала она еще возвращаясь к войне в дни, когда уже последний из демобилизованных солдат Советской Армии пришел домой и снова взялся за прерванный труд созидания будущего.

Поэзия новая нужна, говорил Александр Твардовский в заключительных строках «Василия Теркина». И вот в 1946 году появилась его новая поэма — лирическая хроника «Дом у дороги».

Поэт как будто дает повод думать, что это еще «старая поэзия»: А мне бы деть о жизни той, О том, как пахнет снова. На стройке стальной золотой, Живой смолой суженой... Но я про то хочу сказать, Про что забыть не в силах.

И все же «лирическая хроника» Твардовского шире такого задания. Это не просто «возвращение к памяти жестокой». Как всегда, естественно и просто, с большой драматической силой повелел поэт о трудной и гордой судьбе советского солдата, прошедшего долгие дороги войны до стен Берлина, о страдальческом пути его семьи, не возвратившейся из изгнания. Солдат пришел домой. Его встретил одноклассник: ни семьи, ни дома... Так что же — это конец жизни? Нет, это нелегкое, драматическое начало нового созидания. «Горе делом занялось» Солдат поставил дом, «спит солдат с людьми в лугу».

Солдат встал о россвете И шире, шире гнал прок — Он все четыре года.

«В «Доме у дороги» Твардовского дано первое в нашей поэзии изображение непосредственного перехода от войны к миру. Твардовский пошел по линии наибольшего сопоставления — не расстроил трагедию в легкой, поверхностной развязке, а показал путь преодоления трагедии. Он сделал это с полной психологической достоверностью и убедительностью. В его поэме живут и «счастье, и боль, и вера в счастье».

Вот почему мне кажется, что «Дом у дороги» — не «старая поэзия», а первая серьезная послевоенная поэма в советской литературе.

Можно на многочисленных примерах показать, как в поэзии уходящего года были сделаны первые шаги к новой теме. Достаточно вспомнить хотя бы циклы стихов Леонида Первомайского, Павла Шубина, Александра Яшина, Михаила Матусовского, Ярослава Смелякова и других. Поэты нередко сами подчеркивали первоначальность своих попыток овладеть новым жизненным материалом. «Сотворение мира» так назвал последнюю книгу стихов Николая Рыленкова. Смоленщина... Это как первые дни творения — человек приходит на «голую землю»... влюбленность в родные края, железная воля к труду, вера в будущее ставит человека выше его страданий и горя. «Счастливого пути» — так назвал Евгений Домоголов свою последнюю часть законченной им в 1946 году трилогии «Одна судьба». Герой войны возвращается домой... перед ним открыты новые дороги... он хочет все душой отдать делу преобразования мира... счастливого пути желает поэт своему лирическому двойнику, потому что путь только еще начинается. «Весна победителей» — так назвал первую книгу стихов молодой поэт Виктор Урин. В ней — «взнос и ликование победы... это только весна нового времени... вот четыре года уходят в долготочный и прощаются на перепутьи дорог... перед ними — простор будущего».

Ясно ошуптый рост молодой поэзии, появление многих новых имен — одна из радующих черт нашей литературы минувшего года. Для поколения А. Межирова, М. Луконина, С. Гудзенко, А. Недогонова, В. Урина, С. Орлова, С. Ботвинника и их сверстников по творчеству была в сущности первым гигантским испытанием душевных сил, первой серьезной школой, в которой формировался внутренний опыт людей этого поколения. Она сразу раскрыла перед ними жизнь в ее самом драматическом напряжении. И все величие, небывальное и идеальное и нравственное величие событий, которую вел советский народ в годы Отечественной войны, сказалось с замечательной силой в том, что молодое поколение вернулось с фронта не «потерянным» и не «проклятым» поколением. Оно нашло себя в этой борьбе и вернулось с войны обогащенным и гордым.

Вот что случилось: мужичинами стали мальчишки! Вот что случилось: жизнь начинается слезом! — пишет один из молодых поэтов — Михаил Луконин. И он восклицает: «Я влюблен в настоящее...!»

И теперь думаю: уж если могли мы пройти четыре года от счастья до слезам, Если сумели преодолеть прищипанья земли и жизни,

То теперь Мы готовы пройти по любому меридиану И скоро выстроит счастье победившей Отчизны.

В этих уловчатых стихах, — уловчатость которых, впрочем, преднамеренна и знаменует собою поиски новых, своих изобразительных средств, — выражена правда нашей молодой поэзии. Правда эта состоит в том, что молодая поэзия не отвернулась легкомысленно и назло от глубоких драматических переживаний войны и естественных драматических коллизий переходного времени, а обратилась к ним своей творческой мыслью, чтобы понять и преодолеть этот драматизм.

Однако пафос не всегда ей сопутствовал при этом удаче. Были срывы, и наша критика произнесла немало справедливых слов об очевидных идейных и художественных недостатках некоторых произведений молодых поэтов. Здесь оказалась известная односторонность социального и психологического опыта поэтов молодого поколения. Она выразилась в неумении противостоять сложным индивидуальным страданиям и испытаниям в военные годы. Об этом говорили сами молодые поэты, сознавая, что так приходишь одно порою к ложному, ущербному разрешению проблемы драматического в жизни.

И все же жизнеутверждающее начало — вот что, на мой взгляд, является главным в молодой поэзии. И не отвлекаясь от действительного, взяло начало — острое сознание исторического величия цели, которой служила советская молодежь в дни войны и которой посвящена она всю жизнь. Недаром, предвзятое послевоенное будущее, говорил Михаил Луконин:

Лучше приступить к пустым рукам, Чем к пустой душей.

Это поколение боролось за победу не для того, чтобы после не предаться равнодушию покою, но чтобы жить и творить в единении со всем народом.

Я о тебе запела в этот час... Не потому, что я других значней, Но потому, что я одна из вас! — писала Галина Николаева. Так сама молодая поэзия находит путь плодотворного преодоления индивидуальных мотивов, иногда скваживших в ней.

Сейчас молодые поэты идут своими путями к новой теме. Этих путей много. Не надо навязывать им проторенный путь. Но молодую поэзию нужно горючить. Время должно жить в ней не как пройденный день, не как материал для воспоминаний, а как живая, устремленная в будущее, изменяющая действительность.

Пафосом утверждения великой исторической преемственности двух эпох жизни поэзия в 1946 году. Она показала, что «связь времен» не распалась, что суровые испытания не сломили творческой воли наших людей, но, напротив, закаляли их души.

Что же дальше? Чего вправе ждать мы от поэзии 1947 года?

Мы уверенно говорим о ростках нового в жизни и в психологии современного советского человека. Мы находим и лелеем эти ростки и хотим, чтобы литература, в ряду других явлений идейной и общественной жизни нашего государства, была тем светом и тем теплом, которые помогают этим росткам подниматься вверх, побеждать силы старого. Но вот странно: стараясь находить новое всюду, мы слишком редко говорим о

ростках нового в такой необъятной области, как психология творчества советского художника. Мы редко думаем о том, что успехи нашего искусства, нашей поэзии невозможны без поражения консервативных сторон творческой психологии поэта. А одним из самых живучих и опасных проявлений такого консерватизма является представление о необходимости для художника дистанции во времени, чтобы мог он с успехом осмыслить события жизни и дать их верное изображение.

Основания на этом предвещении теория «пафоса дистанции» давно уже отвергнута нашей критикой и дискредитирована самим ходом развития советской поэзии. Но она ведет еще безгласное существование в тиши поэтических лабораторий, и влияние ее еще гораздо сильнее, чем это можно было бы предполагать.

Наше время всегда торопило поэзию, потому что всегда требовало, чтобы она была и современной и своеобразной. В дни войны наша литература создала не только гневную и страстную патристическую лирику, в которой высказалась душа современника со всем, что жило в ней и переносило ее через край. Поэзия создала в эти годы и обобщенные картины жизни борющегося народа, создала глубокие образы характеры советских людей — воинов, тружеников, поборников идей социалистического гуманизма. Разумеется, не все и даже не большая часть того, что было сделано тогда, остается жить и сегодня, но многое сразу завоевало себе уже и будущее читателя — «Василий Теркин» Твардовского, «Зоя» Алгире, «Сын Антокольского», «Знамя бригады» Кулешова, «Киров с нами!» Тихонова, «Пулковский меридиан» Ибер...

И самое знаменательное заключается в том, что поэзия Отечественной войны создала привнесения, какие по теории «пафоса дистанции» могли бы возникнуть разве только после войны, но уж никак не в самой буре страстей и событий военных лет. Как же это смогло произойти? Ведь прелестной «дистанции во времени» для той поэзии не существовало!

Сторонники «пафоса дистанции» могли бы привести в качестве аргумента своей правоты известное правило перспективки, которое в свое время упомянул Маяковский... Зарисовывая какой-нибудь предмет, — писал он, — вы должны отойти на расстояние, равное троекратной величине предмета. Не воплотите этого, вы просто не будете видеть изображаемого вещи. Так, значит, дистанция необходима? Необходима! Но не во времени!

«Чем вещь или событие больше, тем и расстояние, на которое надо отойти, будет больше. Слабосильные толпятся на месте», — говорил Маяковский дальше, — и ждуть, пока событие пройдет, чтоб его отразить, мощные забегают на столько же вперед, чтоб тащить понятие время».

Вот в этом все дело! Вот почему поэзия Отечественной войны, не обладая дистанцией во времени, сумела увидеть и изобразить вещь, сумела быть и страстной, и глубокой, и политически-целеструемой, и философски-обобщающей, и лирически-возвышающей, и эпически-широкой. В те дни сама поэзия торопила время. Поэзия рассматривала жизнь и человека с отчетливо осознаваемыми позициями будущего — с позиций уже достигнутой в воображении победы. Она говорила о жизни, изображала страсти, объясняла действия людей с точки зрения движения к будущему, к Победе, провидя ее даже в ночи отступления. Она «стандла понятие время». Вот это и было для нее «пафосом дистанции»!

Так рождался и только так рождается этот пафос. Он не есть функция времени, которое отделяет поэта от события, ни изображаемого (принципом, сколько жадных исторических поэм бытвало в нашей поэзии). Он есть функция принципиальности художника, глубины осознания им творимой на его глазах при его участии истории. Разве тот, кто стоит на берегу и смотрит, как удаляется корабль, больше знает о жизни на нем и о его судьбе, чем тот, кто сам стоит паруса и с высокой мачты следит за приближением все более восточно различимой цели плавания?

Поэт, как говорил Маяковский, не должен сидеть у моря и ждать погоды, пока пройдет время моря. Нужно помнить его завет, подтвержденный громадным и таким блестящим творческим опытом: «В день проходящий пропускать столетие в фантазии».

Всоемлющие требования социалистического реализма, как творческого метода постижения действительности в искусстве, включают в себя и то, что давно уже было определено, как революционно-романтический взгляд в будущее. Эта революционная романтика и создает истинный пафос дистанции. Поэзия наступающего года ставит подлинной поэзией «жизни, действия, страсти», если она сама будет торопить понятие время!

Не только в газетах и тонких журналах, но и в областных альманахах, но и в степных толстых журналах беспеременно и настойчиво появляются новые имена. Они начали появляться уже во время войны. С 1942 года, сначала робко, в разделе «Стихи молодых», в 1943—44 году они заняли добрую половину поэтических отделов журналов, в 1945—46 году прикатили в и отдели поэзии, мелькают в театральных афишах.

Факты говорят, что только по Российской Федерации в 1943—1946 гг. в Союз писателей поступило 228 человек. В Белоруссии 22 из 70 членов Союза писателей приняты в годы войны, в Казахстане — 21 из 76 человек, киевская организация выросла на 40 процентов и т. д. А сколько таких, которые еще не приняты в Союз писателей!

Факты свидетельствуют, что за последние год — два только в московских издательствах вышли сборники стихов Семена Гудзенко, Льва Кондреева, Михаила Львова, Галины Николаевой, Вероники Тушиновой, Виктора Урина, что в журналах часто печатаются М. Луконин, М. Соболь, В. Захарченко, М. Дулин, М. Максимов и многие другие, что крупными прозаическими произведениями дебютировал целый ряд непрофессиональных поэтов: Ан. Калинин написал повесть «На юге» и «Товарищ», В. Панова — повесть «Спутники», П. Верещагина — «Дни в чистой советской», Елизавета Мальцева — роман «Горячие ключи», П. Федоров — повесть «Глубокий рейд», Е. Воробьев — книгу рассказов «Пехотная гордость», В. Некрасов — роман «Сталинград», Ф. Наседкин — роман «Возвращение».

Здесь названы лишь те произведения, которые не только были просто замечены; многие из них воспринимались, как явление яркое, блещущее предметом обсуждения литературной и читательской общественности.

Непрестанно движущаясь по волнованию реки нашей литературы пополнилась и пополняется изо дня в день новыми и новыми именами.

Среди новых имен мы встречаем не только юную молодежь. Некоторые печатались давно, но только во время войны раскрылся их писательский талант. К примеру, Вера Панова, повесть которой — очень значительное и интересное явление истекшего года, Ан. Калинин, смеющийся «вечное перо» корреспондента на перо романиста, Алексей Недогонова, «поисывающий» стихи до войны, но только после нее начавший утверждать свое незаурядное дарование.

Но большинство новых имен — молодежь по возрасту и новички в печати. Первыми появились поэты. Их стихи приходили в редакцию в сложенных треугольником конвертах со штампом полевой почты. От имени молодого поединца бойцов великой Отечественной войны они спешили напечатать, не всегда умевших, поспешно написанных стихов сказать о своих чувствах и переживаниях: о вере в победу, о своей любви к родине, о готовности сражаться за нее.

В сборниках молодых поэтов радует разнообразие творческой манеры, наличие и самодиагностику своих литературных вкусов и симпатий. Это свидетельствует о том, что будущее обещает много «поэтов хороших и разных». Но трудно еще писать о каждом из них в отдельности, как об индивидуальности поэтической: в стихах их больше непосредственных личных переживаний и чувств, чем мыслей и широких обобщений.

Когда-то Генрих Гейне повелел миру о рыцаре, порывавшемся в бой Амуны похитити у рыцаря меч; с грустной усмешкой говорил поэт:

Пени гора, путь счастья Принуждают и меня Оставаться без участия К битвам вышнего дня.

Сознание раздвоенности между личными устремлениями и требованиями гражданского долга в той или иной мере испытывал в прошлом каждый молодой поэт. Некрасов безоговорочно поступался первыми ради второго, но не отрицал наличия такой борьбы. Даже великий поэт революции В. Маяковский признавал, что он «себя смрад, становясь на горло собственной песне».

Творчество современного молодого поколения отличается несомненным недостатком. Молодежь активно участвовала в великой битве нашего века, она с винтовкой в руках отстаивала родину от врага. Такова она в жизни, и об этом пытаются сказать молодые поэты в своем творчестве.

Вторым отличительным признаком творчества литературной молодежи является правдивость, искренность, прямота. В их творчестве можно без труда указать неверно взятые ноты, но нет нот фальшивых. Ложь и фальшь для любого из них — самый нетерпимый порок.

«Вспоминались знакомые по книгам и по рассказам старших романтичные годы перышек пятачков, «штурмовые ночи, палатки в степи, проекты, мечты, борьба», она завывала молодости старших поваров. «Донбасс пафос и героизм восстановления представлялся ей таким в девятнадцать лет нужно сделать что-то большое, оставляющее след в жизни. Имя ее звучало несколько романтически — Интерда. Что же касается фамилии, то фамилия у нее была простая, русская — Попова. Она думала, что новые места, новая природа, новая жизнь, связанная с трудностями и преодолением этих трудностей, много дадут ей, как поэту. Но «работа поглощала все ее внимание. Тяжелая диспетчерская работа, в которой, по правде говоря, было очень мало романтики».

«Вспоминались знакомые по книгам и по рассказам старших романтичные годы перышек пятачков, «штурмовые ночи, палатки в степи, проекты, мечты, борьба», она завывала молодости старших поваров. «Донбасс пафос и героизм восстановления представлялся ей таким в девятнадцать лет нужно сделать что-то большое, оставляющее след в жизни. Имя ее звучало несколько романтически — Интерда. Что же касается фамилии, то фамилия у нее была простая, русская — Попова. Она думала, что новые места, новая природа, новая жизнь, связанная с трудностями и преодолением этих трудностей, много дадут ей, как поэту. Но «работа поглощала все ее внимание. Тяжелая диспетчерская работа, в которой, по правде говоря, было очень мало романтики».

«Она горестно махнула рукой: стихи, какие тут могут быть стихи, когда такая проза! Андрей переспросил:

Другое дело, что эта фактическая правда, показывая имя, еще не всегда — истина. Для истины мало только личного опыта, нужны широкие обобщения мыслителя и художника. В творчестве молодых таких обобщений еще мало.

Молодые писатели стремятся к повседневной действительности, они не желают оставаться в кругу пережитого, боясь отстать от шагающей семимильными шагами жизни.

Ценнейшей чертой характера нашей писательской молодежи является то, что она, может быть, пока более инстинктивно, чем сознательно, выполняет один из горьковских заветов, стремится «жить как можно ближе к творческой воле нашей эпохи, ищет вдохновения и материала в бурном потоке труда, создающего новые формы жизни».

И, наконец, еще одна существенная черта — несомненная культурность высшего поколения литературной молодежи. Многие из них пришли в журналы, мемуарно-литературные консультации, не прощая азбучной дичи в кружках. Это свидетельствует об общем росте культуры страны. Такая область когорты молодых писателей могла появиться сразу лишь потому, что за последние годы перед войной невиданно поднялся общий уровень нашей культуры.

«Есть ли у молодых поэтов и прозаиков недостаток? Да, и очень немало. Отсутствие жизненного опыта и зрелости ума приводит к тому, что у молодых прозаиков не хватает ни знания, ни сил для изображения не только себе самого, но и другого человека. Это особенно видно в повести П. Федорова «Глубокий рейд», опубликованной в журнале «Октябрь».

Были в лучших военных стихах Семена Гудзенко, Александра Межирова, в романе «Сталинград» Некрасова не может не броситься в глаза предпочтение фотографирования искусству, тяготение к натурализму. Для их произведений характерны приземленность и отсутствие обобщений. В их творчестве часто больше заметного натурализма, чем наблюдений проницательного ума».

Этого нельзя не увидеть в книге «Сталинград» В. Некрасова. Читая роман, мы отмечаем недостаточную идейность автора, отсутствие у него научного, сложившегося мировоззрения. Каждому из молодых следует помнить замечательные слова Николая Островского, обращенные им к писательской молодежи:

«... Мало видеть, наблюдать, чувствовать. Мало учиться, надо приобрести глубокое знание жизни... осветить собственным опытом теорией марксизма-ленинизма. Только тогда можно смело вступать за перо и, обобщив собственные наблюдения, дать ценное произведение».

«Вот этого, — говорил писатель, — «можно дать книгу со сверкающими крупинками таланта, но нельзя дать вещи огромного размаха». Без этого, добавим мы, сколько ни обогащая себя новыми, более распространенными вирами впечатлений действительности, навсегда рискуешь остаться легописцем, а не поэтом — бойцом за будущее».

Редакторы и критика несомненно повинны в том, что многие заблуждения и ошибки молодежи не были своевременно исправлены. Редакторы журналов почему-то не старались объяснить на всякое замечание, сделанное по поводу написанного произведения. Недостаточная принципиальность и требовательность критики сыграли тормозящую роль в развитии литературной молодежи.

Постановления ЦК ВКП(б) и доклад тов. А. А. Жданова «О журналах «Звезда» и «Ленинград» должны быть глубоко продуманы с точки зрения их огромного воспитательного значения. Они открывают перед молодым поколением литераторов богатейшие возможности плодотворного творческого роста. Этот рост возможен только при добросовестном и внимательном изучении советской действительности.

Наше молодое поколение должно проникнуться своим высоким призванием, научиться оберегать великое звание советского писателя. Оно должно прежде всего настойчиво и упорно учиться постигать действительность и душу советского человека.

У молодой поросли есть все возможности стать мыслителями и художниками, вырасти в самостоятельный орган, достойный участия в переломную эпоху советской литературы. Количественно этот орган уже достаточно велик; нет сомнения, что наступающий 1947 год значительно увеличит его. Будем же в новом году бороться за качество, в котором и заключено истинное будущее нашей литературы, это «будущее» столь пленительно, что никто не может нас остановить в борьбе за него» (Н. Островский).

«Проза? Вы говорите, проза? — Я не поэт, — сказал он. И пояснил: он только инженер. Инженер-металлург. Но ему кажется, что, если внимательно взглянуть, то можно всюду увидеть поэзию... В каждом объекте, — сказал он, — и на четверть мартовского пени, и на доменной... Нужно только лучше смотреть».

И вот пришел таковой день, когда «где-то в тайниках ее души шевельнулся столь значительный и как будто утраченное чувство поэзии».

«Как это ни странно, но толчком к этому послужил смешной случай. Отышла бы проза жизни — она стояла в очереди в итэровский магазин. На Урале люди ведут себя тихо, серьезно. А здесь по-иному: весело и живо... Она какими-то новыми глазами посмотрела на этих итэров — инженеров и техников, стоящих в очереди с кошелками и «авосками». Даже здесь, в очереди за картошкой, они говорили о своих заводских делах. Со стороны можно было подумать, что это какое-то производственное совещание...»

И она вдруг почувствовала огромную жажду жизни, огромный интерес к этим людям, к этому, как говорит Чуковский, неунывающему народу. И все то, чему она не придавала до этого никакого значения, стало для нее в глазах новых итеров. Она не делала никаких усилий и, кажется, не старалась запомнить обычные впечатления дня, но где-то в душе откладывались слова, строчки, черточки...»

Так родилось в ее душе стихотворение, записанное на бумагу. — В. Галин приводит текст этого стихотворения — о художнике, который хотел нарисовать картину разрушений в Донбассе, но вместо этого нарисовал картину жизни и возрождения.

Плакаты работы В. Иванова (слева) и Б. Мухоморова. Издательство «ИСКУССТВО».

В. ЕРМИЛОВ ПОЭЗИЯ НАШЕЙ ЖИЗНИ

В горячке трудовой повседневности мы не всегда остро чувствуем величие и воинскую нашу действительность, нашего труда, нашего искусства.

Вострая Новая год, люди острее ощущают смену времен, ход истории. Гудят звуки ее шагов вместе с боем часов. Поздравлять с Новым годом — не значит ли приветствовать новую жизнь, новое в истории, в науке, в искусстве? Для нас, советских людей, новаторство, это именно так, и нам сильнее хочется думать о том новом, что мы сделали и еще сделаем.

Мы не до конца еще отдаем себе отчет в том, что величайшее преобразование, в корне изменившие облик нашей страны, так же изменили и облик искусства.

Перед новогодней ночью, с ее всеглашей романтичностью, хочется думать о том, как изменились отношения искусства с действительностью в нашей стране благодаря тому, что сама действительность стала поэтической.

«Чтоб поэтическое воспроизводит действительность», писал Великий, — маюло еше, чтоб под рукой поэта была поэтическая действительность».

бодат от морали — все это противоречиво переплеталось. Гуманизм Отелло и цинизм Яго — таковы были две стороны, два лика эпохи. Столкновение высокого мира Отелло с низменным миром Яго, этим шахматистом преступлений, было и столкновением поэзии с безобразной прозой жизни. Торжествовала зловещая проза. Предсмертная песенка Деядемона была тоской самой поэзии, предчувствием гибели поэтического мира, поэтической мечты.

Все более обнажившаяся перед художниками прозаическая, низменная сущность буржуазии породила множество разнообразнейших форм неприятия конфликта между поэзией и действительностью. Вся область общественной, деловой, государственной, политической, даже научной жизни буржуазного мира выступала в сознании большинства художников как прозаическая, враждебная эстетике.

Наша русские художники искали источник поэзии, красоты, правды — в жизни народа, в его идеалах, в его борьбе.

Но жизнь народа была приравненной, вызывала гнев, боль и муку контрастом своей красоты и правды с уродливым, калечивым ее утешением — насением, ложью. Конфликт поэзии с действительностью представлял как одно из проявлений главного, вечного конфликта угнетателей и угнетенных, эксплуататоров и эксплуатируемых. Когда Чернышевский выдвигал свой знаменитый тезис о том, что прекрасное — это жизнь, он имел в виду то прекрасное в народной жизни, которое должно было расцвести, поблеть в будущем вместе с победой народа над поработителями.

В нашей стране поэзия, романтическая мечта впервые слалась с реальной жизнью. Заключился извечный конфликт прекрасного и реального, поэзии и прозы действительности.

Маяковский был первым поэтом, который сказал о конце этого конфликта, о том, что в советской стране все стало поэтическим. Неслыханно расширилась область прекрасного, в сферу поэзии впервые вошла и вся повседневная жизнь государства, и техника, и наука, которая стала служить не смерти и насилию, а счастью, правде, свободе. Маяковский явился создателем новой поэтики утверждения всей эпопеи поэтической советской жизни, переставшей быть прозой. Он был первым, сказавшим о том, что поэзия торжествовала в самой жизни! Таково величие Маяковского.

— это жизни! Да, прекрасное — это и есть наша советская жизнь, ее законы — это и есть законы поэзии, и любой художник, который ищет источник красоты и вдохновения не в живой нашей действительности, а где-то в стороне от нее, уходит от самой поэзии.

Минувший 1946 год был годом больших раздумий советских художников. Постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», доклад тов. А. А. Жданова поставили коренные, самые главные вопросы советского искусства. С новой силой мы почувствовали, что главное для художника — это глубоко проникновение в современность, постижение ее величайшей правды и красоты.

Нет подлинной поэзии в стороне от нашей действительности, от наших идей, от политики советского государства. Не могут двинуть вперед искусство те, кто не понял или не хочет понять решающих изменений в самих отношениях между искусством и действительностью, происшедших в нашей стране. Недаром в статье В. Ибер на страницах «Литературной газеты» была отмечена поэма Л. Мартынова, который «кукается в романтический плащ буржуа-олигохита. Он не понимает, что одление это безнадельно обветшалое, запыленное, ослепшее от холода буржуазного общества, одление это превратилось у нас в сехотворную хламиду». Продолжение старой, многовековой ищери противопоставления поэзии повседневной прозе жизни в наших условиях враждебно и действительности и поэзии. На этом пути возможно лишь эгоизмство. Поэзия, не вхоплюющаяся нашей живой жизнью, может быть только и виртуозной, обладать острою видением поэтических деталей, краской природного ладика. Но она не способна дать целостную поэтическую картину мира. Горький справедливо отметил, что мухи обладают удивительной остротой зрения, но не могут отличить стекла от воздуха.

Мы вступаем в Новый год, хорошо опоруженные для борьбы со всем, что чуждо и враждебно нашему искусству.

Но партия учит нас и глубже понимать новое, ценное в нашем искусстве, то, что действительно вдохновлено поэзией нашей действительности.

исторической победе в Сталинграде. Зрите, привыкший следить в классических пьесах за перипетиями личных судеб, за борьбой корыстных интересов и интриг, здесь возволен рождением и ходом величайшей исторической мысли, борьбой за ее осуществление. Действующие лица представляют собой живые характеры; три генерала — три главных героя — Муравьев, Блюгердов, Крыжицкий — ясными, резкими, живыми чертами нарисованы как яркие своеобразные индивидуальности. И вместе с тем, каждый из них является живым воплощением разных сторон целого — той могучей творческой мысли, которая победила в Сталинграде. Порознь мысль каждого, — при всей ее основательности, — односторонняя, охватывает лишь часть истины. Муравьев ближе всех к целостному охвату положения, он посвящен в сущность замысла, является его исполнителем. Характеры, темпераменты действующих лиц естественны, органически сливаются с характером их военно-политического мышления, с особенностями их представления о положении вещей в Сталинграде, о том, что и как нужно делать в этой ответственности, слияния личного с историческим — большая заслуга художника.

«И кто знает? — раздумывал Белинский, — может быть, некогда история следается художественным произведением».

Когда еше драматургия с такою ясностью рисовала отдельную человеческую личность, как частью самой истории! Когда еше зрительный зал был возмущен не горькой судьбой бесприщипанцы, не печальной посылкой о несчастной любви, а живым, современным историческим событием самим по себе, его захватывающей, величайшей красотой и силой!

В этом и заключается поэтичность нашей действительности.

Может показаться, что легка задача художника, когда сама жизнь стала поэзией: дескать, черпай пригоршнями красоту жизни, «беря» из нее темы, даже самая сюжет, как сделал это Б. Чирков, и ты — победитель! Да, но для того, чтобы «взять» историческое событие, надо подняться са- за высоту его vastu. Потому-то такое романное значение для художника имеют указания партии о борьбе за высоту идейного уровня. Без этого поэзия нашей жизни останется за семью печатями для художника, какою бы близкой — совсем рядом! — она ни казалась. Можно «взять» и сюжет, и тему, и даже зарисовать все это, — но ни «секрета победы», ни «дороги к победе» этим не отключишь.

Как раз на самой грани Старого и Нового годов мы прочитали в последней книжке «Нового мира» чудесный очерк, — вернее, повесть Бор. Галина «В Донбассе».

